

Капитан, ваш корабль горит и тонет

Евгения Лантайн

Евгения, собираясь в монастырь, предполагала, что она сразу же по приезде возьмет тибетских монахов за грудки и начнет у них выпытывать: что, да как, да почему. Как этот шепот над царапкой работает и почему вдруг начинает сбывать, барахлить и переставать делать то, что до этого так лихо и многообещающе делал. Но встреча с Тео в Пекине совершенно выбила из Лантайн цепкий деловой настрой, сменив его процентов на девяносто мягким беззлобным дружелюбием и кое-как угнездившейся в оставшейся десятке процентов обиженной яростью. Поэтому Евгения бесцельно шаталась по монастырю беззаботной пташкой, изредка срываясь на яростный рык, и пока к истинной причине своего визита не подвигалась ни на шаг. Ни на миллиметр. Зато усердно лезла туда, куда ее не просили.

К примеру, бродить под окнами корпуса мастеров Лантайн находила занятием если не невероятно завлекательным, то как минимум захватывающим дух. Если верить тому, что в монастыре рассказывали - в этом корпусе, получается, в большинстве своем чуть ли не небожители жили. Суровые и всемогущие. Естественно, глянуть на этих сверхъестественных созданий ужасно хотелось, хотя бы одним глазком. Правда, на грозных небожителей выходившие из здания люди преимущественно не походили. И даже, наверное, всяческие хитроумные линзы в этом плане ничего бы не изменили. С одной стороны, Лантайн немного не понимала, как таких хваленых сверхсил и может быть совершенно не видно - а с другой стороны, это вселяло определенную надежду. Получалось, чтобы быть грозным колдуном, совершенно не обязательно иметь устрашающие клыки, рога и волосатые уши.

Со зрением у Евгении проблем никаких не было. Зато вот с головой, пожалуй, быть могли. Так или иначе - прогуливавшейся рядом со зданием девушке вдруг показалось, что из одного из окон тянется струйка дыма. Может, свет так лег на стену, а может, просто ум за разум заклинило - в любом случае, ногами Лантайн среагировала куда быстрее, чем головой. Метнулась через лужайку к подозрительному окну, рванула ставни, оттолкнула штору - и громко поинтересовалась, вскочив коленями на подоконник: - Кто горит? Что? Ты горишь? Зачем так делаешь?

Курук

А никто и не собирался сгорать заживо. Возможно, если бы была масленица, которую праздновали конкретно в России, и сожгли бы какую-нибудь куклу, которая больше всего проблем принесла. Но а если по честному - Курук всего лишь захотел помедитировать на... да хоть на смысл жизни. А то как-то всё изменений в ней не было, а хотелось бы... Да таких, чтобы мозг не закипал, а жилось хорошо и дальше. Снова отправляться в свой собственный мир - можно, но почему-то с горячей свечой этим можно было заниматься подольше, что ли? Или качественнее...

Во всяком случае никакого внезапного вмешательства на свою личную территорию Курук точно не планировал. Дым действительно пошёл - но слабенький, не такой, чтоб подумать на пожар. Просто... Он свечку неаккуратно поставил у окна, она дернулась, упала и потухла. Только и всего. А тут уже его чуть ли не бригада пожарников пришла спасать.

- Кто горит? Я? В воск не наступи... те! - парень как-то оторопел от такого резкого сокращения личной дистанции, в его комнату уже давным-давно никто не заходил... А ещё и эта девушка напомнила ему... Кого-то очень знакомого...

Евгения Лантайн

Значит, дым всё-таки был, мысленно констатировала Лантайн, нашаривая взглядом опрокинутую свечку. Пламя и правда имело место, а с головой проблем пока нет, можно смело возрадоваться и жить дальше. Это с одной стороны. А с другой - с одной свечки явно не могло получиться столько дыма, чтобы их можно было принять за валяющие из окна пепельные клубы. В таком случае зрение и мозги опять подвергаются сомнению. Евгения решительно успокоилася мыслью, что она, может, как сверхчуткая противопожарная система, отреагировала на самую потенциальную возможность возгорания. И на этом вопрос о собственной адекватности закрыла до поры до времени.

- Это правильно. Гореть абсолютно незачем, это ужасно нерациональная внутренняя политика, - дружелюбно улыбнулась Лантайн, совершенно не видя повода ойкать, краснеть и уматывать прочь, раз пожара не обнаружилось. Вот если бы девушка для спасения полыхающих приволокла с собой ведро воды - вот тогда да, пришлось бы идти и возвращать инвентарь на место. А так - вообще никакой спешки. Евгения переступила коленками на подоконнике, понимая, что стоять в такой позе медным изваянием нелепо и неудобно, затем бесцеремонно перекинула ноги внутрь комнаты и, наклоняясь, чтобы выудить из уже застывшей лужицы воска упавшую свечку, пообещала: - Хорошо, "те" будет очень аккуратна и никуда не наступит. А можно задать тебе неприличный вопрос? Зачем ты при свете дня прятался у себя в комнате со свечкой? Солнечный свет настолько не подходит для тёмных дел?

Хотя да, знаменитый гномий лозунг и вправду гласит, что тёмные дела совершаются в темноте, там даже любой одинокий огонек может всю мизансцену испортить. Лантайн подняла свечку и принялась рассеянно крутить её в руках, борясь с желанием начать царапать мягкий воск ногтем и оставить на нем какую-нибудь шальную роспись.

Курук

Вроде бы эта девушка не отличалась большой наглостью... Нет, так Курук не подумал ни в коем случае. Что-то в ней было другое, что-то неуловимое, но довольно симпатичное. Какая-то черта характера, над которой он подумает потом, когда будет совсем один. А пока у него в комнате гостья. Которая совсем не собиралась покидать это довольно-таки гнилое с её точки зрения место. А темновато тут действительно было, потому, как солнце сейчас было над корпусом и его лучи практически не попадали в комнату.

Неприличные вопросы? Курук слегка выпучил глаза. Ему всё больше и больше напоминала эта девушка какую-то другую девушку, приятную по его воспоминаниям, но кого именно - он не мог сказать. Да и времени на размышления совсем не было, так как их диалог, внезапно, всё ещё продолжался.

- Нуу... Я медитировал... - никакими тёмными делами Курук не занимался. Даже в мыслях такого не было. Раньше, может, и пакостничал, и то - по мелкому. А сейчас

это вышло из его арсенала действий. Не то время, не то место. Не тот возраст...

Свеча негласно перешла в руки девушки, а Курук вздёрнул бровь. Это какая-то подстава? Шутка? Что вообще здесь происходит? Почему на него кто-то обратил внимание посреди дня? Всё это казалось более, чем подозрительным. Но как разрулить эту ситуацию? Желательно по-хорошему. Но как? Прямыми вопросами? Невежливо. Курук пока пребывал в лёгком недоумении, стараясь лихорадочно придумать, как ему дальше действовать. Он эту девушку определённо где-то видел в прошлом... Или очень похожую на неё... Ангел???

Евгения Лантайн

Ни глубокомысленных, ни остроумных надписей на и без того многострадальной свечке Лантайн в конечном итоге оставлять не стала. Просто несколько раз ковырнула воск ногтем, проверяя, что при желании это вполне можно сделать - и правда, воск поддавался легко, разве что неприятно забивался стружкой под ноготь. Евгения поводила пальцем по колену, уже жалея, что полезла к свечке со своими ковырятьельными мыслями, и перевела взгляд на юношу, который к этому моменту как раз разродился законченным предложением, жаль только, что очень коротким. Вообще-то Лантайн не считала, что то, как она сидит на подоконнике, является зрелищем шокирующим, вызывающим или еще каким-то там из ряда вон. Ну, девушка. Ну, блондинка. Ну, сидит. Так не в бикини же. Вот только юноша почему-то вел себя так, как будто к нему сквозь окно вошло не вполне пристойное явление и нет ни сил смотреть, ни возможности вытолкнуть. Чудил, одним словом.

- Медитировал, значит, - повторила Лантайн, удлиняя разговор этим дешевым способом. И попыталась блеснуть эрудицией, протягивая юноше свечу: - А почему на подручные средства? Где же знаменитые тибетские мандалы? Или это не принципиально? Было бы желание, а сгодится и телевизор?

Почему бы и нет, на самом деле. Сама Евгения медитировать никогда не пробовала, поэтому могла только громкое словцо в разговор вставить, а блеснуть точными знаниями возможности не имела. Может быть, и правда - любая пляшущая картинка перед глазами сойдет, главное, чтобы мозг в ней запутался и успешно "поплыл". Или весь процесс вообще не так происходит? Словом, в процессе Лантайн не разбиралась от слова совсем. Но, я вас умоляю, когда и кому это мешало с умным видом лепить замечания?

Курук

А странности продолжались... Блондинистые девушки вовсе не собирались покидать его личное пространство, всё больше и больше напоминая ему Ангела. Хотя, нет. Уже меньше. Ангел бы с первых секунд начала плести свою интригу, кокетливо закрыв пальчиком ротик, сделав невинные глазки и даже, чем чёрт не шутит, выпятить грудь, чтобы отчётливее был виден вырез. И продолжать лепетать что-то о своём, похотливо поглядывая на... Впрочем, уже не важно. Это не очень хорошие воспоминания, точнее, Куруку по первости вроде как было хорошо, но Ангел быстро исчезла из его жизни, словно действительно была не настоящим человеком, а лишь эфемерной оболочкой ангела, которые приходят к православным во снах.

- Мандалы? Не нужны мне никакие мандалы, мне свечки достаточно, - сухо продолжил разговор Курук. А что ему прикажете ещё делать? Сразу же клеить эту, едва знакомую ему, девушку? Ну, нет, это вы не по адресу. Клеить девушек Курук не

умел и учиться не собирался. В них он разочаровался. Какие-то они все подлые и с хитрым умыслом. Да и Храм вовсе не то место, чтобы флиртовать с кем-либо.

Тем не менее, молчать дальше он не собирался. Свеча была протянута ему, он взял её, но не своими руками, а "чужими", инородными, синими. Это так, чтобы развеять скуку. Свеча аккуратно опустилась на пол. Это было легко, учитывая тот факт, что девушка почти не прикладывала усилий для её удержания.

Евгения Лантайн

- Пожалуйста, - легко разрешила Евгения, ничуть не смущаясь тем, что молодой человек разговаривает с ней сухо, короткими, рублеными фразами и дружелюбия упорно не проявляет. - Это же даже хорошо, если свечки достаточно. В любой момент зажег и ушел в медитацию. Не нужно бегать по всем соседям и выпрашивать у них необходимый инвентарь. "Скажите, у вас есть мандала? Геометрический хаос в рамке. Да-да, произвол Малевича. Малевич, которому требовалось все свои геометрические идеи впихнуть в девять квадратных дюймов. Так есть что-нибудь такое?" - изобразила Лантайн, ничуть не опасаясь того, что за подобные выступления, хоть и не очень схожие с кривляниями, ее попросят вон с подоконника. И тот факт, что на каждые ее десять слов молодой человек еле-еле отвечает одним, Евгению ничуть не смущал, она по-прежнему продолжала сыпать слова десятками. - Ой, прости, а что ты делаешь?

Мысль о том, что в монастыре сплошные чудеса, все практически поголовно маги и так далее, конечно, в голове у девушки засела более-менее прочно. Но все равно, просто приучиться к этой к этой мысли и столкнуться с проявлением этого тезиса воочию - вещи в корне разные. Евгения недоумевающим взглядом проследила за свечкой, вырвавшейся из ее пальцев совершенно самостоятельно, затем на всякий случай посмотрела на свою ладонь - мало ли, может, это с рукой у нее что-то такое, что человек аж брезгует? - и настороженно уточнила: - Извини, а что, у меня с руками что-то не так?

Просто вторая мысль, пришедшая в голову настолько вплотную к первой, что впору было объявлять фотофиниш, содержала куда менее лестное заключение о том, что это с самим молодым человеком что-то не так. Может быть, дал какой-нибудь эдакий обет... эммм... неприкосновенности?... а тут Евгения, нарисовалась как нельзя более вовремя и лезет. С руками. Ужас вообще.

Курук

Как-то всё это начинало потихоньку действовать ему на нервы. Лишнее внимание со стороны девушек... как ни странно, угнетало. Он не достоин того, чтобы с ним общались прекрасные мира сего. Очаровательная блондинка, которая словно с небес свалилась прямоком в его комнату - какова цель её пребывания здесь? Что она ищет в этом богом позабытом месте? Куда даже моющие полы послушники Храма не заходят?

Их диалог практически превратился в монолог с её участием. Ну, а что он мог возразить ей на счёт той же мандалы? Ведь это пустой трёп! Только кивнул в ответ и слабо так улыбнулся. А то ещё не дай бог прилипнет с вопросами "ой, а что это мы такие грустные?" И вообще. Ему пока совесть не позволяла просто так взять и выставить девушку за дверь. Но чего, в самом деле, ей от него надо??

И с лишними касаниями до девушки она угадала. А если бы Курук не знал телекинеза? Пришлось бы всё делать ручками... Но магия на этот раз ему очень даже пригодилась. А то мало ли, на что способна эта блондинка.

- Да так, просто нравится магия, - всё так же безразлично ответил Курук. Действительно ужас. На что способны коварные девушки - дано знать только самим девушкам.

Евгения Лантайн

- Нравится магия больше, чем живые люди? - показательно ужаснулась Лантайн. По мнению девушки, так это ж мрак, жуть, верх интровертизма, уже пробивающий небосвод и стремительно уходящий в стратосферу аутизма, - когда человек предпочитает при любом удобном случае пошаманить с самим собой и с магией вместо того, чтобы контактировать с живыми людьми. В таком вот аспекте бесконечные положительные стороны магии для Евгении сразу же перечеркивались одной жирной отрицательной. Потому что это всё-таки ненормально, когда магия настолько поглощает человека. Такое лечить надо. Кстати, а такое вообще лечится, интересно?

- Слушай, - Лантайн доверительно свесилась с подоконника и, стремясь уже хоть каким-нибудь образом разрушить ситуацию, в которой молодой человек зыркает на неё едва ли не с омерзением, но причин такого отношения упорно не палит, предположила: - А может, тебе просто девушки не нравятся в принципе, как класс? Потому что мальчики обаятельнее и интереснее? Или тебе вообще люди противны, как крайне мерзкие, назойливые существа? Так ты тогда и скажи мне об этом, не стесняйся. Я слова понимать умею. Я в таком случае без обид попрощаюсь и уйду. А то мне и самой, если честно, не интересно тратить время на то, чтобы быть кому-то противной до блёва. Ну так как?

В довершение неприятностей - Лантайн в процессе своего монолога начинает просыпаться маленький гневный вулканчик. Да-да, тот самый, печально известный, который в Пекине кровожадно пожелал выколоть Тео глаз. А какие пожелания он выкажет здесь, если его вовремя не захмутать - это уже переменная неизвестная и печально непредсказуемая.

Курук

Он хотел было сначала сказать "да", но... Промолчал. Нет. Она не заставит его говорить всякую хрень. И он так и не выяснил причину её пребывания здесь, ведь не в самом же деле залезла в окно только потому, что увидела дым? Ну, даже если так, что с того? Время покидать его комнату, не так ли? Или тут можно словить что-то ещё?..

А сейчас пошёл чистой воды гон на него. Не нравятся девушки? Нравятся мальчики?? Чееего? Курук вылупил глаза на незнакомку; в его взгляде читалась смесь ужаса и удивления. Н-да... Эта девушка зашла слишком далеко. Надо было её поставить на место.

- Да нравятся мне девушки, нравятся! Только... Это же не означает, что я... что я... Как бы сказать... - и ведь с одной стороны хотелось, чтобы блондинка покинула его апартаменты, с другой же... Когда ему ещё предоставится уникальный шанс поговорить с кем, да ещё и в своей комнате? - Я... Мне... - чуть было не сказал

"нравятся рыжие" - ну, я не понимаю, я должен целоваться с каждой понравившейся мне девушкой? - сейчас она точно приложится ладонью ко лбу, а потом свалится из окна на улицу. От удивления.

Евгения Лантайн

- Не кричи. Кричу здесь я! - погрозила пальцем Евгения, искренне считавшая, что конструктивный диалог невозможен, когда оба спорщика синхронно орут друг на друга до хрипоты. Вот если голоса по очереди, это еще куда ни шло. Один вопит, другой худо-бедно эти вопли воспринимает и анализирует, потом меняются местами. А как ты что-то услышишь, когда ты согласишься? Хотя бы поэтому Лантайн желала в срочном порядке заткнуть юношу - она тут вообще-то целый монолог планировала. А какой в этом монологе будет смысл, если молодой человек будет в ответ несолидно визжать? Верно, никакого, вразумляемый же ничего не услышит. И Евгения подчеркнуто строго водила пальцем перед лицом юноши, словно намекая: еще один взвизг без разрешения - и следующие крики будут уже от того, что этот палец предпримет покушение на твою глазницу.

- Кто вообще сказал хоть слово про поцелуи? Я что, красноречиво подставляла тебе щечку? - взвилась Лантайн, как только убедилась, что ее вроде как слушают и уже можно орать. - Никто тебя не просит каждую встречную девушку тащить под одеяло! Но с каких, блин, пор это значит, что девушку надо игнорировать, если ты не собираешься с ней спать? Какого черта ты на меня смотришь, как на врага народа? Объясни мне эту удивительную крайность, пожалуйста! Почему я не заслуживаю ответов, сказанных нормальным тоном, а не интонацией "черт-тебя-подери-да-когда-же-ты-уже-сгинешь-проклятая-прелюбодейка"? Чем я успела так тебя оскорбить за те пять минут, что мы друг друга видим?

Войдя в раж, Лантайн описала в воздухе ногтем длинную, опасную для окружающих дугу, рискуя прочертить у Курука на лбу царапину от виска до виска, и воинственно лягнула пяткой подоконник, намереваясь отстоять права прекрасного пола на нормальное общение с непрекрасным потолком. Без косых угрюмых взглядов исподлобья, недружелюбного бубнежа, в котором слова теряются где-то между гортанью и зубами и наружу выходят невнятной кашей, и прочих расточаемых без причины прелестей.

- В общем, если ты сейчас не сможешь поведать мне трагическую историю, в которой прекрасная женщина коварно разбила тебе сердце и с тех пор ты, неописуемо страдая, проникся ненавистью ко всему прекрасному полу, - я оставляю за собой право при дальнейших встречах во всеуслышание называть тебя болваном, - решительно заключила Лантайн. В конце концов, радикальное решение - порой тоже очень даже решение, да еще какое.

Курук

Да, Курук чувствовал себя полнейшим дураком. Ситуация сложилась комичная - сидел себе в комнате, никого не трогал. К нему залезла через окно симпатичная девушка. Постойте, через окно? Тут уже пахнет романтикой. Николай бы на его месте слюни все спустил - такой ценный экземпляр, и у парня в комнате! Дело-то осталось за малым... Но Курук не умел общаться с девушками. Его не учили искусству флирта и завоёвывания дамских сердец. И целоваться он не умел. Вообще ни-че-гошеньки не знал.

Значит, она не ждёт, когда он начнёт флиртовать с ней и сведёт всё к поцелую?

Серьёзно? Аж гора с плеч! Курук шумно выдохнул. Жизнь словно упростилась в несколько раз за пару секунд. Девушка заставила его смутиться. Он покраснел так сильно, словно каждый вечер тренировался перед зеркалом, сравнивая цвет своего лица с помидорами. Он и вовсе не подумывал о том, чтобы тащить её в постель... Это как раз самая болезненная тема для разговоров с Куруком. Всё очень просто - хотите его задеть, пошло пошутите. Как дважды два.

- Не собирался я тебя затаскивать в свою постель. Она моя! - время делать второй, контрольный фейспалм, который гарантирует уж если не полёт вниз спиной вперёд, то как минимум лёгкое сотрясение мозга. И тогда ему придётся эту девушку насильно выпроводить в лазарет. Что тоже довольно-таки неплохо...

Незнакомка продолжала своё наступление, и на этот раз последовал удар в следующую болевую точку. Опять отношения с девушками будут обсуждать? Ей-то на кой они сдались? Какое им вообще дело до одинокого парня, тихо сидящего в своей каморке, а? Ну, вот лезут же, как мухи на мёд. Подумаешь, болваном назовёт, какая трагедия...

- И зачем тебе сдалась история о несчастной любви? Первой встречной-поперечной я точно её рассказывать не буду, - ему даже стало в какой-то момент скучно. Ничего оригинальнее не придумала? Кто-кто среди них болван, так это деваха. Ворвалась в его личное пространство, а теперь ещё и полного отчёта на любовном фронте от него потребовала! Ну-ну.

Евгения Лантайн

Лантайн, если что, в окно лезла совершенно не с целью заиметь романтическое приключение на пятую точку. Она же в монастырь все-таки приехала как в университет, а не как в дом знакомств, знания собирать, а не бойфрендов коллекционировать. Поэтому отсутствие со стороны юноши влюбчивого интереса было Евгении только на руку. Оставалось лишь проклюнувшиеся устаканить и свести в какую-нибудь нормальную, ровную плоскость, а не завалить в оглушительный скандал.

- Вот и чудесно! Твоя постель - твоя, а моя - моя. Не будем их смешивать, и оба останемся довольны, - решительно постановила Лантайн. И рискнула предложить: - Ну тогда, раз мы выяснили, что платонический интерес друг к другу у нас отсутствует - может, не будем ссориться из-за того, что мы хамским образом решили друг друга не соблазнять? Тебя как, устроит такой нейтралитет? Лично меня - полностью. Вообще не очень люблю с людьми ссориться, а из-за каких-то выдуманных причин, так особенно. Так что давай не будем с тобой ругаться? Ну пожа-алуйста, - и Евгения состроила максимально жалобные глаза, попытавшись спародировать знаменитого кота, рыжего, муляшного и умоляющего. Возможно, получилось плохо. Возможно, со стороны выглядело черт знает как, смешно и даже глупо. Но Лантайн рассудила: пусть лучше парень начнет смеяться над ней, чем набычится хуже прежнего и опять начнет отвечать сухо, неприветливо и односложно.

Курук

Курука аж передёрнуло. Перед лицом стали мелькать картинки из прошлого. Из его прошлого опыта общения с девушками. И ведь это общение всегда заканчивалось

самым что ни на есть печальным образом. В последний раз он поругался, хотя, вроде как уже успел и помириться, с Рыженькой, причём раньше она ему нравилась, а после ссоры - уже нет! И он сейчас ходил словно с дырой в сердце, одновременно боясь влюбиться неосторожно в кого-нибудь из тутошних, а потом снова страдать, да? Ну, уж нет. Уж лучше вообще не влюбляться. Никогда. И ни в кого. Это слишком больно.

Да любой другой парень бы усох только от одного вида этой девушки! Курук посмотрел на неё ещё раз. И ему стало жалко... Себя. Какой же он, всё-таки, странный. И бесконечно одинокий парень... Счастье само лезет к нему чуть ли не в постель, а он упорно очерчивает внезапно стёртые личные границы и защищается своей девственной невинностью. И неопытностью в отношениях. А ещё, пожалуй, непроходимой тупостью в этом вопросе. Но что делать-то теперь? Как быть? Ещё чуть-чуть, и он бы поругался с ней из-за того, что она - девушка, а он - парень. А парни и девушки гуляют и спят вместе, ну не бред ли?

- Да, давай не будем ссориться... Мне не хочется себе наживать врагов, - с парнями, значит, совсем всё тухло в плане дружбы, может, с девушками у него так получится дружить? Ой, да чего с ними делить-то.... И нечего, собственно, и не подерёшься за сердце какой-нибудь девушки, например...

Евгения Лантайн

Юноша замолчал так надолго, словно не простенькое социальное уравнение решал в уме, а как минимум выстраивал целый план битвы при Маренго, сразу и целиком. Евгения нервно завопилась на подоконнике, пока совершенно не улавливая, хотят её помиловать или всё-таки казнить для профилактики, и на всякий случай показательно вскинула руки, скрещая пальцы. Мол, вот как я надеюсь, что мы с тобой ни спать друг с другом не будем, ни ссориться на этой почве, а будем мирно и ласково друг с другом дружить, всеми фибрами души надеюсь. Чёрт его, конечно, знает, как оно там сложится в дальнейшем, на всю жизнь зарекаться редко когда и у кого выходит - но сейчас, во всяком случае, Лантайн вполне искренне желала с молодым человеком сдружиться, не бросаясь в эмоциональные американские горки.

- В здравом уме, наверное, никому врагов наживать не хочется. Добрая ссора, конечно, соль земли - но лично я предпочитаю жить более сладко и поменьше с людьми ругаться, - полуфилософски заметила Лантайн, уже начиная неудержимо расплываться в торжествующей улыбке - миролюбивый настрой, на который Евгении удалось наконец вытянуть молодого человека, девушке однозначно нравился. Лантайн опасно наклонилась вперёд, рискуя от чрезмерного наклона слететь с подоконника носом вниз, и дружелюбно протянула юноше руку, предлагая: - Выпить на брудершафт не зову, но всё-таки обменяться рукопожатием в честь свежезародившейся дружбы, полагаю, мы можем. Меня зовут Евгения. А тебя?

Курук

Дела складывались самым странным образом. Любая другая красотка-блондинка уже б давно дала ему между ног и выкинула из собственной комнаты через окно, объявив оную своим новым жильём. Но эта же... Ломала все его стереотипы о красивых девушках. Нет, не все. Но некоторые.

С девушками не здороваются за руку. Это он знал точно. Но искать в этом простом

жесте какой-то подвох было полным бредом. Или... Она таким образом хочет показаться ненадолго парнем, ведь дружить могут только парни, а парень и девушка не дружат, а спят вместе, верно?

- Да, дружить можно. Я - Курук, - он попытался изобразить доверие со своей стороны, хотя и рука на полпути к рукопожатию зависла на пару секунд в воздухе. Но ему было до сих пор не понятно, о чём могут говорить парень и девушка без обоюдной симпатии. Поэтому... Он молчал. Закусывал губу в недоумении. Неловкое положение, видите ли. Любой другой бы на его месте... Тот же Николай... Уууфф, как всё непросто, непросто...

Евгения Лантайн

Ну, это смотря с какими девушками не здороваются за руку. Какая-нибудь ярая феминистка, например, легко может и пинков надавать за то, что ей не желают подавать руки, тем самым унижают её, не признают её право быть равной мужчине... и, короче, понеслась бы в этом месте блоха по кочкам. Евгения такой принципиальной сторонницей всеобщего равенства не было и феминистских нашивок не носила - но в целом считала, что нет в приветственном рукопожатии ничего такого сугубо мужского, на что девушка и претендовать бы не могла. Заметив, как рука юноши неуверенно подвисла в воздухе, Лантайн ободряюще улыбнулась ему - смелее, мол, ладонь не отвалится от такого кощунства. И старательно подавила желание громко рассмеяться от облегчения, когда рукопожатие наконец состоялось: мол, ну вот! свершилось, а дальше уже полегче будет.

- Очень приятно с тобой познакомиться, Курук, - предельно серьёзно сказала Евгения, которую страх ни с того ни с сего не вовремя заржать и всё испортить заставлял выдавливать из себя максимально тяжелые, нешуточные фразы. - Необычное имя. Звучное. И у тебя, наверное, нет проблем с тем, чтобы его коверкали. Не то что у меня. Даже не представляю себе, чем мои родители думали, когда такое имя точно выбирали. То есть, представляю, конечно: чтобы звучало длинно, эффектно и основательно. Только не понимаю, как можно было не подумать при этом о том, каково ребёнку будет жить с этим именем. Меня, например, в школе из-за этого дразнили, и отнюдь не "гением". В школе, конечно, всех дразнят, но когда ты провинился только тем, что получил от родителей неугодное одноклассникам имя, это особенно обидно, - видя, что Курук не особенно горит желанием самому вести беседу, Евгения легко и непринужденно потащила разговор на себе, с каждым словом щебеча всё бодрее. И безостановочно светила улыбкой, словно семафоря - не волнуйся, о содержимом твоей постели больше ни слова не скажем.

Курук

А разговор всё продолжался и продолжался... Куруку не то, чтобы надоело общество этой красоти, только вот не понятно ему было до сих пор, на кой он ей сдался. Всем же до него не было никакого дела. Всем было плевать. А ей - не плевать. Почему так? До сих пор не ясно. Он пытался одновременно поддерживать разговор и обдумывать эту странность, но получалось у него это или нет - решать Евгении согласно его наполовину отсутствующему взгляду и лёгкой заторможенности.

- Да нет, вроде не было проблем с коверканием имени, - уж вот ещё, нашли, о чём беспокоиться! Курук даже задумался - а как можно было бы его имя-то изменять, да так, чтобы обидно было? Оно ведь и читается одинаково слева-направо и справа-налево... Фамилии у него не было. Хотя, в школе какая-то была, придуманная опекуном. Или он даже носил его фамилию какое-то время, пока жил - он уже и не помнил. Это было словно в прошлой жизни, в той, которая ему нравилась меньше этой. И это прошлое необязательно вспоминать.

- Странно, ведь "Евгения" и "гений" - довольно созвучные, хм... имена. И чего эта девушка вдруг так защебетала? Словно подкатывала к нему, хотя... Вроде вырезом своим не особо светит, и смотрит на него обыкновенно... Может, ему стоит, наконец, успокоиться?...

Евгения Лантайн

Можно было с кристально чистой совестью сказать, что ничего, кроме чистого и незамутненного человеческого общения, Евгении от Курука не требовалось. Не до такой степени блондинка успела к молодому человеку присмотреться, чтобы уже строить на него далекоидущие планы и вплетать его в хитроумные, заморочные схемы. Лантайн просто активно и отчаянно трепалась, полагая, что это вообще всегда требуется для поддержания дружбы, а для налаживания только-только зарождающегося знакомства и подавно.

- Вот, для тебя, можно сказать, школа прошла в этом плане безболезненно, - кивнула Евгения, - а меня пошпыняли знатно. Не знаю даже, как так выходят, но дети часто думают очень обидно. И если для того, чтобы обидно перевернуть твоё имя, им придется выкинуть три буквы из пяти и взамен пришить пять новых, так они это легко сделают. Не все, конечно, но обычно обязательно парочка таких злых уникумов под боком имеется... Слушай, что ты на меня так косишься все время? У меня что, пуговицы непристойно расстегнуты? - всполошилась Лантайн. И в попытках исправить положение дернула воротник блузки вверх, натягивая его чуть ли не на самый нос. Евгения искренне считала, что ей есть чем и помимо этого привлечь мужской взгляд, а пускать в ход декольте до пупа - это уж совсем последнее дело, когда других аргументов нет и не предвидится. А Курук с пугающим постоянством так соскальзывал взглядом к расстегнутой верхней пуговице блузки, словно их там было расстегнуто как минимум три или четыре и горел указатель: "Смотреть сюда!"

И, в общем-то, одобрения во взгляде молодого человека не читалось. Евгения сама в себе такое бы тоже не одобрила. В этом она с Куруком была более чем солидарна.

Курук

Наверное, это очень весело коверкать чье-то имя, но почему-то именно Курука этот вид занятий обошёл стороной. Сам он таким не увлекался, да и в школе издевались ребята как-то по-другому. Он вот сразу так и не вспомнит даже, как именно издевались, но было дело, да.

- Ну, не так, чтобы прям совсем уж безболезненно, я во всех школах считался изгоем. Друзей не было, только приятели, и то - на сутки-двое, - и он снова замолчал, давая уникальную возможность блондинке обрушить на него весь поток болтовни, которая у неё накопилась за столько времени. Вот прям хоть пусть всю

свою биографию рассказывает - он стерпит. Лишь бы на него никакие виды не имела и ставки не ставила.

И в декольте он ей не смотрел, не надо сказок! Хотя, у этой особы действительно было чем завлечь парней, причём арсенал инструментов годился на любые случаи. Но Курука ей всё равно не взять. Хотя она тут ему голая станцует - нет, не катит. Его таким Макаром не возьмёшь.

- А я и не смотрел туда, больно надо, - и он отвернулся ненадолго, делая вид, что детально изучает, хмм... Пальцы своей правой руки. Да хоть так.

Евгения Лантайн

Выяснив, что всё у неё с блузкой в порядке и никого она ничем не провоцирует, Лантайн выдохнула с отчетливым облегчением. Ей сейчас даже было не интересно, это оттого, что все пуговицы действительно застегнуты как положено, или оттого, что Курука она как девушка не привлекает. Сейчас был не тот случай, когда Евгении могло захотеться полезть на сцену с криками "но посмотрите, я же такая красивая девочка!" и, не сходя с места, начать предъявлять все свои зримые и весомые достоинства. Это дело прекрасно обождет до другого раза и до какого-нибудь другого собеседника, который будет согласен на роль потенциального возлюбленного. Курук же вел себя так, словно был за что-то смертельно обижен на всех дочерей Евы. С ним, пожалуй, можно было в лучшем случае дружить, рисковать и пытаться пролезть за эту пограничную черту девушке сейчас совершенно не хотелось.

- Да? Ну, значит, мне показалось. Тогда прости, пожалуйста, что заподозрила тебя в этом. Была неправа, - покаялась Евгения. Но на всякий случай застегнула и самую верхнюю пуговицу, наглухо и под горло, задраившись на все застёжки, как солдат. Показалось или не показалось, а лишний раз провоцировать молодого человека было нечего.

Разговор как-то сам собой начинал стопориться, ходить по кругу, становиться вымученным и вообще умирать. Евгения поерзала на подоконнике, пытаясь нашарить ещё какую-нибудь более-менее невинную тему для беседы, но, как назло, ничего такого в голову не приходило. Тогда Лантайн приняла волевое решение не насиловать больше свежесоздавшееся знакомство. И красноречиво приподнялась на подоконнике, запоздало признавая с лёгким смешком: - Вообще-то я потрясающе некультурно вломила к тебе через окно. Удивительно, что ты меня сразу обратно на улицу не выкинул. Ну ничего, в следующий раз, честное слово, я постараюсь войти как все воспитанные белые люди, через дверь. Когда можно к тебе заглядывать так, чтобы тебе удобно было?

Курук

Вся эта ситуация до боли напоминала ему случай с Ангелом. Всё происходило почти в точности так же, за исключением некоторых деталей - Курук действительно не был заинтересован в этой очаровашке. Наверное, любой другой парень бы уже двенадцать подвигов Геракла совершил, но Курук будет отстаивать свою позицию и неприступную крепость не сдаст. Вот хоть реально она ему тут голая станцует - не прокатит же.

Курук даже удивился, когда блондиночка застегнула самую верхнюю пуговицу.

Должно быть, это крайне неудобно, хотя, смотря для кого. Вот ему бы лишь бы в лишний раз на себя натянуть чего-нибудь, да побольше, а уж подавать какие-либо признаки сексуальности - в массы - Боже, упаси! Нет-нет, это слишком личное, и доступное только для одной единственной. Для кого - он сам пока не знал, но что для единственной - знал наверняка.

Он удивился ещё больше, когда девушка встала с подоконника. А то ему уже было показалось, что этой беседе несвойственно закончиться никогда и что он ещё нескоро останется один на один в своей комнате, однако и здесь его ждал облом. Но самым мозговыносящим поступком стала хоть и косвенная, но просьба заглядывать блондинке в его конуру. И зачем он ей сдался?..

- Ну, хорошо. Эмм... Я не знаю насчёт повторных "заглядываний" в мою комнату... Я тут почти сутками сижу. Ты тут всегда меня застанешь врасплох, ибо обычно ко мне никто не ходит. И мне попросту некого ждать, - даже как-то грустно стало... Но, ей-богу, уж лучше бы к нему вломился в комнату Николай! Вот это был бы приколом... Парень мечтательно улыбнулся, смотря куда-то правее блондинки.

Евгения Лантайн

Если бы Лантайн не настраивала себя старательно на то, что она белая, пушистая, ласковая и ни на кого не обижается - сейчас бы она, пожалуй, все-таки сорвалась и обиделась. Было полное ощущение, что Куруку девушка ненамного интереснее мебели. И даже, наверное, так: девушка его раздражала, как мебель, от которой ждешь, что она стоит себе под покрывалом и не отсвечивает, а она внезапно вылезает на свет и начинает триндеть без остановки. Тут уж какого бы ты отношения ни ждал от человека, все равно обидно станет от такого пренебрежения. Когда тебя не считают за симпатичную и интересную девушку - это еще можно пережить. Убедить себя, что юноше просто нравится другой тип девушек, например, скромные немногословные брюнетки, тут у тебя с попаданиями, мягко говоря, негусто, вот ты и не котируешься. Но когда тебя даже и за человека принимать не горят желанием - никакие самозаверения не помогут. Это обидно, и точка.

- Тогда, может быть, как-нибудь загляну. Соблюдая правила приличия и, как положено гостям, не с пустыми руками, - вежливо улыбнулась Евгения, пытаясь все-таки закончить разговор на позитивной ноте. Перекинула ноги через подоконник, высаживая саму себя на улицу, и на прощание помахала рукой через окно: - Ладно, бывай. Не скучай. До встречи!

Правда, в ближайшее время возвращаться Лантайн не собиралась. По доброй воле редко кто сам бежит навстречу ушату ледяной воды в физиономию - вот и Евгения за ним спешить не собиралась. Может быть, однажды дурканет и повторит заход - когда эта встреча подзабудется или когда прорастет надежда на то, что прошло уже достаточно времени для того, чтобы что-то поменялось. Сейчас же Лантайн уносила с собой неприятный осадок. И возвращаться за новой порцией не хотелось.

Курук

Вот и прекрасно, что эта вломившаяся в его пространство дурища свалила отседова. А то Куруку уже реально стало скучно от общения с этой мадам. Правда, он так и не понял, на кой она ему сдалась, но самое главное, что он ей надоел. И даже относительно быстро. В принципе, так было всегда. Никто особо не задерживался своим вниманием на парне, никому просто не было до него дела.

Разве что некоторым личностям, список которых оглашать не стоит. А то вдруг, когда они это узнают, им захочется присоединиться к первой группе? Курук никак этого позволить не мог. Чтобы он остался совсем один? Нет, ну он, конечно, любил преувеличивать насчёт своего одиночества, но не до такой же степени! Всему надо знать свою меру. Северянин вздохнул, даже не удосужившись попрощаться с девочкой, молча закрыл окно и лёг на кровать. Можно преспокойненько проживать своё "ничего".
